Леонид Спивак

СТРАНА ЗА ГОРИЗОНТОМ

2-е издание

Леонид Спивак

СТРАНА ЗА ГОРИЗОНТОМ

2-е издание

БОСТОН • 2024 • BOSTON

СЕРИЯ
«ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

ВЫПУСК 8

Леонид Спивак. *Страна за горизонтом*
2-е издание, исправленное и дополненное

Leon Spivak. *The Land Beyond the Horizon (Strana za gorizontom)*
2nd edition, revised and updated

Copyright © 2022–2024 by Leon Spivak

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533296

Published by M•Graphics | Boston, MA

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: Виктория Спивак, Юлия Тимошенко, Михаил Минаев © 2022

Фото автора на обложке: В. Машатин © 2016

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**™ (www.batov.ru)

Printed in the U.S.A.

Автор выражает благодарность
всем своим друзьям, оказавшим поддержку
в создании книги.

Особая благодарность Светлане Арефьевой,
Александру Литваку, Михаилу Минаеву,
Алёне Яворской и Светлане Ярмолинской
за ценные поправки и критические замечания.

Ревекке, Анне и Виктории —
трём поколениям моей семьи

Горизонт — кругозор, всё видимое вокруг наблюдателя пространство, до конечных пределов его.

«Толковый словарь русского языка»
Д. Н. Ушакова, 1935

Круглая дата не за горами. Совсем скоро исполнится сто лет самой известной русской книге о США. Для нескольких поколений российских читателей «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова оказалась основным источником знаний о «настоящих» Северо-Американских Соединённых Штатах, как тогда именовали страну.

В сентябре 1935 года корреспонденты главной советской газеты «Правда» Илья Ильф и Евгений Петров на пароходе «Нормандия» пересекли Атлантику. С того времени исследователи ведут споры, кто устроил писателям длительную творческую командировку за океан и существовал ли идеологи-

Карта путешествия Ильфа и Петрова
29 октября 1935 г. — 13 января 1936 г.

ческий заказ на будущую книгу. Одна из парижских русских газет сообщила читателям: «Сталин посылает Ильфа и Петрова в страну кока-колы».

Создатели двух знаменитых юмористических романов — «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка» — должны были поведать всю правду о ведущей стране капиталистического Запада. В 1933 году американским президентом стал Франклин Делано Рузвельт, установивший дипломатические отношения США с Советским Союзом и немало сделавший для сближения двух стран. На непродолжительный «медовый месяц» в отношениях между Вашингтоном и Москвой приходится американское турне русских писателей.

В Штатах Ильф и Петров провели почти четыре месяца. За это время дважды на автомобиле пересекли страну от атлантического берега до Тихого океана и обратно. Итогом путешествия стала необычная книга — вполне объективная, вдумчивая и парадоксальная работа «корифеев сатиры», неожиданно ставших серьёзными в «Одноэтажной Америке».

Можно с большой долей уверенности предположить, что ни сами авторы, ни номенклатурные советские заказчики этой книги не догадывались, каким будет творческий итог заокеанского вояжа. Не просто журналистский травелог, но литературный памятник эпохи ведёт своё начало с того дня, когда Ильф и Петров спустились с двадцать седьмого этажа гостиницы «Шелтон» и оказались на шумных улицах главного города Америки.

ПРИЮТ-НА-ГУДЗОНЕ

Нью-Йорк — единственное место в Соединённых Штатах, о котором избыточно много написано на русском языке. На долю всей остальной страны не насчитать и десятой части того, что сказано в адрес Города большого яблока. Административно Нью-Йорк, гордо именующий себя «столицей мира», — всего лишь райцентр, даже не столица своего штата. Метафизически этот город издавна присутствует в русской культуре, нередко подменяя собой образ всей Америки.

Ильф и Петров не относятся к пионерам русского литературного открытия Нового Света. Их знаменитые современники Горький, Есенин и Маяковский, побывав в Соединённых Штатах, оставили неравнодушные строки об увиденном по ту сторону Земли. Как написал Сергей Есенин, «перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой…» Но, в отличие от Ильфа и Петрова, им не удалось увидеть страну-континент, разглядеть её горизонты. И только через два десятилетия после появления «Одноэтажной Америки» совершится другое, но слишком скандальное автомобильное путешествие через материк героев самого известного романа Владимира Набокова.

Мало кто сегодня попадает в Нью-Йорк морем, выдержав многодневное атлантическое чистилище. Мегаполис, встающий на горизонте прямо из первозданной пустыни океана, оставляет первое и самое сильное зрительное впечатление. Недаром у Есенина, которому Нью-Йорк решительно не понравился, вырвалось: «Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов».

Впрочем, слов было много. Полемическая литературная традиция родилась в 1906 году, когда Максим Горький издал

памфлет-гротеск «Город Жёлтого Дьявола». Мастеру русского слова был чужд трепетный импрессионизм. Начальная сцена очерка обозначила горьковский стиль: «Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зелёной окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждёт солнца, чтобы оно оживило её мёртвые глаза. Под ногами Свободы — мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал её — как застывшие волны…»

Ильфу и Петрову не подходила мрачная эстетика пролетарского писателя. Для Горького крупнейший город Северной Америки — в первую очередь, «угрюмая фантазия из камня, стекла и железа». Ильф и Петров разбивают укоренившееся представление лёгкой фразой в начале книги: «В Нью-Йорке ещё никто не пропадал». Так возник заочный диалог в русской литературе, длящийся более ста лет.

История Нью-Йорка состоялась на островном клочке земли, в радиусе не более полумили. Во времена, когда поселение ещё именовалось Новым Амстердамом, возник сад Боулинг-Грин, начало нынешнего Бродвея, где добропорядочные голландские бюргеры играли в шары. Затем английские «отцы города» воздвигли здесь конную статую короля Георга III. Напротив, в начале Уолл-стрит, американские бунтари поставили мраморную статую премьер-министра У. Питта, либерала и союзника колоний. Во время революции бронзового короля Георга свергли и переплавили на пули, а статую Питта в отместку обезглавили британские солдаты. На той же улице генерал-победитель Вашингтон принёс присягу в качестве первого президента США, а на месте Боулинг-Грин теперь стоит бронзовый бык, символ мощи Уолл-стрит.

Любой мегаполис в первую очередь представляет определённый уклад жизни. У Нью-Йорка особая энергетика — единственное, в чём сходятся как его почитатели, так и недруги. Волжанина Пешкова ужаснул урбанистический пейзаж: «Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди».

Одесситы-жизнелюбы Ильф и Петров предложили иную стилистику:

> Сейчас же с нами произошла маленькая беда. Мы думали, что будем медленно прогуливаться, внимательно глядя по сторонам,— так сказать, изучая, наблюдая, впитывая и так далее. Но Нью-Йорк не из тех городов, где люди движутся медленно. Мимо нас люди не шли, а бежали. И мы тоже побежали. С тех пор мы уже не могли остановиться. В Нью-Йорке мы прожили месяц подряд и всё время куда-то мчались со всех ног. При этом у нас был такой занятой вид, что сам Джон Пирпонт Морган-младший мог бы нам позавидовать. При таком темпе он заработал бы в этот месяц миллионов шестьдесят долларов.

Максиму Горькому принадлежит интересное определение американских высотных домов — «скребницы неба», которое не прижилось. В его времена дома в Нью-Йорке превысили высоту в двадцать этажей, что поражало воображение. За год до приезда в Америку Ильфа и Петрова здесь вознёсся 102-этажный Эмпайр Стейт Билдинг с мачтой для причаливания дирижаблей: «Душа холодела при виде благородного, чистого здания, сверкающего как брус искусственного льда».

Высочайшее в мире здание возводилось в самые тяжёлые годы Великой депрессии, поэтому Эмпайр воспринимался как символ надежды и манифест незыблемости капитализма. В 1945 году великая архитектурная доминанта подверглась смертельному испытанию. Бомбардировщик Б-25, сбившись в тумане с пути, врезался в башню на уровне 78-го этажа. Один из моторов, пробив семь стен, упал на крышу соседнего дома. Гигантская несущая конструкция Эмпайра, на которую пошло триста тысяч тонн стали, выдержала удар без видимых повреждений.

Однажды увидав на Пятой авеню светофоры (ещё не укоренившееся и вычурное слово), Маяковский прозвал их «уличными полицейскими маяками». Со строк поэта в российский лексикон начинают активно проникать американизмы. Любо-

«Дом-утюг». *Дагерротип 1904 года*

пытно, что в русском языке наряду с утвердившимся в конечном итоге «небоскрёбом» (кальке с английского) некоторое время использовался синоним «тучерез».

Илья Эренбург писал: «Кому неизвестно, что Венеция — сказка для влюблённых или для англосаксов; что Вена — томик новелл, невзыскательных и старомодных; что Париж сложен и запутан, как классический роман…» Нью-Йорк обрёл большинство перечисленных качеств в новеллах О. Генри, сегодня несколько старомодных, где в лабиринте узких улиц встречаются влюблённые, где рождаются трогательные городские притчи.

Уильям Сидни Портер, взявший псевдоним О. Генри, как и большинство населявших Нью-Йорк, был пришлым. В молодости аптекарь, ковбой и коммивояжёр, осуждённый за растрату банковский клерк, он не просто принял этот город, но оказался его самым популярным бытописателем. Вавилон-на-Гудзоне, Багдад-над-Подземкой — цветистые образы О. Генри, ставшие эпосом самого американского города.

Историческое ядро мегаполиса — длинный и узкий остров Манхэттен — нарезан строго расчерченной сеткой авеню и улиц, имеющих свои порядковые номера. Военный топограф Де Витт, в 1811 году разлиновавший схему для упорядочивания городского строительства, не предполагал, что сей план назовут «самым крупным памятником американского классицизма».

Верх рационализма, античная гипподамова система, создавшая две с лишним тысячи прямоугольных унифицированных нью-йоркских блоков, породила в эпоху небоскрёбов неожиданный романтический эффект. Горожане прозвали его «манхэттенхенджем». По аналогии с древними мегалитами британского Стоунхенджа четыре раза в год восходящее или заходящее солнце доступно для наблюдения с параллельных улиц Манхэттена, проложенных, согласно плану, перпендикулярно к городским авеню.

Как подметил культуролог Пётр Вайль, Нью-Йорк возвращает к «Колумбовым ориентирам», ибо здесь все соотносят себя со странами света: «на северо-восточном углу», «двумя

кварталами южнее», «западная сторона улицы». А собственным нулевым меридианом служит респектабельная Пятая авеню, от которой ведётся отсчёт восточной и западной половин Манхэттена.

Чуждый упорядоченности О. Генри находил уголки, не подчинявшиеся строгой городской табели. Узкий и извилистый Бродвей, бывшая индейская тропа, «гуляет» сам по себе. Идущий через остров по диагонали, Бродвей оставляет треугольники небольших площадей, которые О. Генри населял обаятельными персонажами. Его младший современник Сергей Есенин, окрестивший Нью-Йорк «Железным Миргородом», признавался: «На наших улицах слишком темно, чтобы понять, что такое электрический свет Бродвея. Мы привыкли жить под светом луны, жечь свечи перед иконами, но отнюдь не пред человеком…»

Другим топографическим исключением оказалась бывшая деревушка Гринич-Виллидж, поглощённая городом, но сохранившая имена, а не номера улиц. В начале прошлого века Гринич-Виллидж был итальянской колонией в Нью-Йорке, известной производством дамских шляп — бизнес сколь доходный в те времена, столь и артистический. Затем сюда пришли поэты и художники. О. Генри в «Последнем листе» писал: «В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквер улочки перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два… И вот люди искусства набрели на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешёвой квартирной платы».

Триумфальная арка в честь первого президента Вашингтона венчает декадентский Гринич-Виллидж, приют литераторов, музыкантов и бунтарей, и открывает чуждую ему буржуазную Пятую авеню. Зимой 1917 года, взобравшись на арку, французский скандалист-дадаист Марсель Дюшан провозгласил Гринич-Виллидж независимой республикой американской богемы. Так «столица мира» обрела собственный «Монмартр» и свою культовую мифологию.

Нью-Йорк, несмотря на почтенные голландские корни, британское колониальное прошлое и определяющее влияние на историю Соединённых Штатов, город относительно молодой. Никакой архитектурной «седой старины» здесь нет и в помине. Исключение составляет чопорная английского классицизма часовня Святого Павла 1766 года на Бродвее, пережившая Войну за независимость, городские пожары, дикий капитализм и рухнувшие совсем рядом две башни Всемирного торгового центра после террористической атаки 2001 года.

В Нью-Йорке здания не живут долго. На обломках прошлого немедленно возводится что-то новое и грандиозное. Ильф и Петров отметили это по-своему: «Трудно поверить, но какие-нибудь семьдесят лет тому назад на углу Пятой авеню и 42-й улицы, на том месте, где за пять минут скопляется такое количество автомобилей, какого нет во всей Польше, стоял деревянный постоялый двор, выставивший к сведению мистеров проезжающих два многозначительных плаката:

Не разрешается ложиться в постель в сапогах.

и

Запрещено ложиться в одну постель больше, чем шести постояльцам».

В 1809 году литератор Вашингтон Ирвинг сказал: «Города сами по себе и даже империи сами по себе — ничто без историка». В тот год Нью-Йорк, обогнав старые колониальные центры Бостон и Филадельфию, стал самым крупным по числу жителей городом страны и обрёл своего первого летописца.

Большое яблоко начиналось юмористической литературой. Осенью 1809 года горожане увидели газетное объявление о пропаже пожилого джентльмена Дитриха Никербокера. Через три недели появилось новое объявление, тоже оказавшееся мистификацией, что хозяин гостиницы, откуда якобы пропал постоялец, продал в счёт оплаты его долгов найденную рукопись Никербокера. Так увидела свет «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии». Прятавшийся под литературной маской Ирвинг оказался на редкость

А. Стиглиц. «Гостиница Шелтон»

ироничным автором и даже эксцентриком, а в просвещённой Европе с удивлением обнаружили, что за океаном есть люди «с пером в руке, а не на голове».

Вашингтон Ирвинг, рассказывая побасенки из колониального прошлого, подарил городу ощущение себя как важного незавершённого произведения. Спустя полтора столетия архитектор и изобретатель Бакминстер Фуллер сказал, что в постоянном изменении Нью-Йорка проявляется смена статичного, ньютоновского видения мира новым, воспитанным на эйнштейновском понятии относительности. Из тех же, кто в начале века нынешнего писал об этом городе по-русски, наиболее образно высказался Александр Генис: «Рыжие эстакады надземки нарезали Манхэттен, как Рим — акведуки. Ветхие инсулы жилых кварталов наивно маскировали лепниной бедность. Орлы, латынь и лавры украшали муниципальные дворцы форума. Украв и присвоив старосветские образцы, Нью-Йорк склеился в дикое чудо без умысла и порядка, подчиняясь наживе и случаю. Благодаря архитектурной безалаберности одно здесь никогда не мешало другому. Поскольку Нью-Йорк не бомбили (до 11 сентября было ещё далеко), новое росло на допотопном, как опята на сгнивших пнях».

О. Генри был одним из литературных предшественников и учителей Ильфа и Петрова. Остап Бендер в «Двенадцати стульях» прямо цитирует Энди Таккера, персонажа из цикла рассказов «Благородный жулик». О. Генри был необычайно популярен среди советских читателей, а на ильфопетровских страницах неоднократно встречаются отсылки к американскому новеллисту. Неожиданно близким оказывается образ незнакомого города, который собираются посетить «благородные» комбинаторы-жулики. В «Золотом телёнке» южный город «нарезан аккуратно, как торт». Герои рассказа О. Генри «Деловые люди» воспринимают Нью-Йорк как десертное блюдо, которое «уже выложено на тарелочку».

«Нью-Йорк населяют четыре миллиона таинственных чужестранцев, — сообщал О. Генри. — Они попали сюда разными путями и по разным причинам: Генри Гудзон, школы живописи, овощные рынки, аист, ежегодный съезд портных, Пенсильванская железная дорога, жажда наживы, сцена, дешёвый экс-

Любимая таверна О.Генри

курсионный тариф, мозги, брачная газета, тяжёлые ботинки, честолюбие, товарные поезда — всё это принимало участие в создании населения Нью-Йорка».

Причудливым семантическим образом переплетались пейзажи Вавилона-на-Гудзоне у американского и русских рассказчиков. Из гостиницы «Шелтон» Илья Ильф отправил в Москву письмо жене: «Этот город я полюбил. Его можно полюбить, хотя он чересчур большой, чересчур грязный, чересчур богатый и чересчур бедный. Всё здесь громадно; всего много. Даже устрицы чересчур большие. Как котлеты».

В той же гостинице «Шелтон» тремя этажами выше обитает одна из самых богемных пар страны: Альфред Стиглиц и Джорджия О'Кифф. О существовании друг друга русские и американские постояльцы отеля никогда не узнали, разве что встретились в бронзово-зеркальном лифте, где джентльменам было положено снимать шляпы в присутствии дамы.

В 1905 году Альфред Стиглиц открыл небольшую галерею «291», названную по номеру дома на Пятой авеню. Здесь впервые в Новом Свете выставлялись полускандальные мо-

дернистские произведения из Парижа — Сезанн, Пикассо, Матисс (даже музей Метрополитен отказывался их принять). Сам Стиглиц стал пионером американской художественной фотографии и нью-йоркского пейзажа. Особенно известен его фотоцикл, посвящённый первому небоскрёбу «Флэтайрон» («Утюг») на скосе Бродвея и Пятой авеню. «„Утюг“ поразил меня, — писал Стиглиц. — Он словно бы двигался в мою сторону, точно нос громадного океанского парохода — картина новой Америки в процессе созидания».

Таким же видением в 1916 году вошла в его жизнь Джорджия О'Кифф, искавшая свои выразительные образы среди вершин и ущелий Манхэттена. Стиглиц ввёл молодую художницу в мир нью-йоркской богемы; за те десятилетия, что они были вместе, он сделал несколько сотен её снимков. Когда союз распался, О'Кифф отправилась на американский Запад и открыла миру самую экзотическую часть страны.

«В других городах вы можете странствовать или жить чужаком сколько вам угодно, — писал О. Генри. — Но в Нью-Йорке вы должны быть или ньюйоркцем, или варваром, вторгшимся в эту современную Трою и прячущимся в деревянном коне своего надутого провинциализма».

В русской душе Нью-Йорк-Сити порождал всю гамму эмоций, от любви до ненависти… У Маяковского этот маятник чувств особенно заметен, начиная от хрестоматийного «Я в восторге от Нью-Йорка города» до рецепта теракта: «Под Волстрит тоннель-сабвей, а если набить его динамитом и пустить на воздух к чертям свинячим…»

И всё же «столице мира» присущ частный характер, что подчёркивает его топография. В Манхэттене, который издали, по ту сторону Гудзона, напоминает друзу разрывающих горизонт острых кристаллов, нет ни одной городской площади в понимании европейском. Их функции взял на себя Центральный парк, заложенный в 1858 году и ставший любимым персонажем городской саги. У многих поколений, населявших Метрополис, возникли свои, личностные отношения с романтическими аллеями, прудами и открытыми зелёными пространствами острова. Сегодня с трудом верится, что парк

А. Стиглиц. «Центральный вокзал»

был гигантским рукотворным проектом на камнях и болоте великого мечтателя Фредерика Ло Олмстеда, пейзажного архитектора и философа. На площади, где вполне могли бы разместиться два княжества Монако, проложили километры дренажных систем и завезли плодородную землю из штата за рекой, прорыли искусственные водоёмы и взорвали скальные породы — на всё это «на диком севере» Манхэттена ушло больше пороха, чем при Геттисберге, крупнейшем сражении Гражданской войны в США. В 1905 году Константин Бальмонт высказался о Сентрал-парке вполне в духе О. Генри: «…в нём нет помпы и блеска хвалебной оды, но есть светлая лирика, есть нежность элегии».

Нью-Йорк, как и Москва, огромный странноприимный дом, в который попадали провинциалы и эмигранты, становились здесь своими, обживали Большое яблоко искушения, раздора и познания. Городские новеллы О. Генри с их лирическим юмором, невероятными жизненными поворотами, смешением возвышенного и комического и непреходящей верой в счастливый конец затронули души читателей. Нечто похожее случилось в советской стране, когда на полвека любимым фильмом стала новогодняя сказка с огенриевским сюжетом и названием «Ирония судьбы».

Судьба на прощанье одарила писателя грустной шуткой, совсем в его стиле. Отпевание обнищавшего и рано ушедшего О. Генри состоялось в церкви Преображения, которую коренные ньюйоркцы и сам писатель называли «Маленькой церковью за углом» (за углом от Пятой авеню). Во время скромной панихиды в храм ввалилась весёлая свадьба. Радостные жених и невеста с родителями и друзьями не сразу поняли, что их звонкому счастью придётся немного подождать на паперти.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ МОЛОДОСТЬ

Много чернил изведено для описания «оторванности» американской нации от культурных корней матушки-Европы. В 1905 году Василий Розанов сказал: «Увы, ни романтизм, ни классицизм не перебросились через Атлантический океан. Когда Жуковский писал „Сельское кладбище“ — американцы торговали; когда Байрон пел Чайльд-Гарольда — американцы опять же торговали. Пришёл Гюго с „Hernani“ — и всё же американцы только торговали. Канта сменил Шеллинг, Шеллинга — Гегель, у англичан выросла и умерла величайшая из идеалистических философий, так называемая „Шотландская философия“: и всё это время американцы только открывали банкирские конторы».

Французский премьер-министр Жорж Клемансо съязвил отменно: «Америка — страна, перешедшая от варварства к цивилизации, минуя стадию культуры». Но как ретроспективно схожи подобные эстетические оценки с впечатлениями многих иноземцев о России — обе страны объединили даже негативные коннотации, идущие из рафинированных старосветских столиц.

По схожему поводу выходец из лесной американской глубинки Джеймс Фенимор Купер несколько запальчиво написал ещё в 1842 году: «Европа богата воспоминаниями, Америка чревата надеждой».

При относительной молодости страны в крови янки неодолимая тяга к собственной старине. Как отметили Ильф и Петров, «древностей у американцев очень мало; они увлечены ими, тщательно их охраняют и не смотрят на туристов, интересующихся древностями, как на доходную статью».

Действительно, в любом американском провинциальном городке — как здесь говорят, *in the middle of nowhere* (в середине

ничего), — имеется «исторический» дом или даже квартал, на худой конец — магазинчик с местным антиквариатом. Такие «лавки древностей», как и более демократичные блошиные рынки в базарные дни, — услада патриота-автохтона. Джон Стейнбек писал: «В наших тринадцати колониях не насчитывалось в те времена (в XVIII веке — *Л.С.*) даже четырёх миллионов человек, и, судя по всему, каждый из них лихорадочно мастерил столы, стулья, изготавливал фарфоровую и стеклянную посуду, формочки для литья свеч, всякие железные и медные штуковины самых причудливых очертаний — и всё это впрок, на потребу туристам нашего века!»

Существует парадоксальная схожесть: литературная история Северной Америки, как и история словесности на Руси, открывается норманнскими сказаниями. Дела давно минувших дней: плавания Лейфа Эрикссона к северо-восточным берегам Америки (стране Винланд) и первые попытки колонизации материка, дошедшие до нас скандинавские саги и вековые споры ученых-медиевистов. Лейф и его викинги были в дружине норвежского короля Олафа I, который ранее жил в Новгороде и Киеве и, по легенде, склонил князя Владимира Святославича к крещению Руси. Мир всегда был тесен: Америка и древняя Русь связаны всего через два рукопожатия.

Во времена, когда викинги основывали поселения в Европе — от Дублина до Старой Ладоги — на территории будущих США существовал крупный город, достигший расцвета в XI веке. Это подтверждают знаменитые курганы Кахокии, недалеко от современного Сент-Луиса. Древнеиндейская *Cahokia* по разрядам нынешних Соединённых Штатов звалась бы не «таун», но «сити»: на территории в 1,6 тыс. га разместилось более ста таинственных ритуальных холмов. По площади Кахокия была больше средневекового Лондона, по возрасту старше Москвы.

Главный из курганов бывшего поселения («Монашеский») достигает в высоту почти 30 метров. Это немного по сравнению с египетскими пирамидами, но в основании он превышает площадь величайшей из них — гробницы Хеопса в Гизе. Колоссальный американский зиккурат, который даже не был храмом, но лишь его подножием, как бы соперничал с природой, которую

аборигены считали одухотворённой. В этом дуализме — поклонению и вызову сущему — человек утверждал свою независимость в этом непознанном мире. Современные американцы в штатах Висконсин, Иллинойс и Огайо живут среди многочисленных земляных маундов, но только с воздуха можно увидеть, что курганы создают прихотливые формы распластанных на земле орлов, змей, лис, медведей и даже людей.

Весь мир знает, что представляют собой египетские мумии, но мало кто слыхал о том, что в США найдены сотни таких же мумий. В штате Кентукки есть даже «Долина мумий» со свидетельствами более чем тысячелетней доколумбовой истории, включая знаменитую Мамонтовую пещеру, самую длинную в мире. Поэтому посещения древних американских мест придают ощущение сильного приключения, того «дыхания вечности», которое ощутил археолог Говард Картер, впервые взглянув на Тутанхамона.

Капитан Джон Смит, зачинатель англоязычной американской литературы, в молодости был «солдатом удачи», попал в плен к туркам, бежав из которого побывал в Московии времён Бориса Годунова, а в 1607 году основал первое постоянное британское поселение за океаном. Америка начиналась приключенческой литературой. Последний «странствующий рыцарь» Европы, Джон Смит красочно описывал колонию поселенцев в Вирджинии, свои начальные исследовательские предприятия, схватки с аборигенами и трогательную привязанность юной индейской принцессы Покахонтас. Ещё не было на карте этой грандиозной страны, когда возникли её первые литературные памятники.

«Сюда устремляются те, кому наскучил исторический чулан Европы», — писал Гегель в 1823 году. Американский Юг и Запад всё ещё кажутся многим волшебным краем, хотя Франсиско Коронадо, а за ним и все прочие «джентльмены удачи» не отыскали здесь страну Эльдорадо.

В 1848 году в результате войны с южным соседом Соединённые Штаты обзавелись губернским городом Санта-Фе, который старше самих США на сто шестьдесят семь лет. Похожий случай имел место в истории Российской империи. Санкт-Петербург,

На улицах Санта-Фе

который моложе не только европейских, но и некоторых американских городов, в 1868 году завоевал тысячелетний Самарканд.

Ильф и Петров не углублялись в американскую историю и выразились лапидарно: «Санта-Фе — столица штата Нью-Мексико, самого молодого штата Соединённых Штатов. Столица самого молодого штата — один из самых старых американских городов».

Сегодня к словам писателей требуются пояснения. Нью-Мексико — не самый молодой штат, так как Аризона вступила в Союз месяцем позже, а после Второй мировой войны на политической карте страны добавились штаты Аляска и Гавайи.

Через два года после того, как литератор-авантюрист Джон Смит воплотил британские притязания в Америке, кастильский конкистадор Педро де Перальта основал селение Санта-Фе (1609) на склоне высокого плато у подножья гор Сангре-де-Кристо. В переводе с испанского Санта-Фе — «Святая вера», но полное историческое название города поразит воображение: *La Villa Real de la Santa Fé de San Francisco de Asís* — Королевский город Святой Веры Святого Франциска Ассизского.

В 1610 году на главной и тогда единственной площади («Плазе Санта-Фе») по приказу того же дона Педро де Перальты была выстроена резиденция губернатора новой испанской провинции — самое старое административное здание на территории современных США. Сегодня в бывшей резиденции расположился музей, где можно узнать, что судьба идальго де Перальты была не менее бурной, чем биография его современника, создателя Дон Кихота. Солдат и антрепренёр Сервантес

искал место коррехидора (исправника) в Новом Свете, но подвела непогашенная судимость за растрату. Перальта служил во многих городах и гарнизонах Латинской Америки, попал под суд Святой инквизиции, но был оправдан, закончил свой земной путь в Мадриде. К слову, испанское слово «плаза» (*plaza* — площадь) прочно вошло в американский английский, хотя сегодня чаще всего обозначает парковочные площади с большими торговыми заведениями-моллами.

«Американский кирпич и дерево исчезли, — писали Ильф и Петров. — Тут стояли испанские дома из глины, подпёртые тяжёлыми контрфорсами, из-под крыш торчали концы квадратных или круглых потолочных балок. По улицам гуляли ковбои, постукивая высокими каблучками».

«Город святой веры» обязан своим возникновением легендам о золоте Америки, о мифических «семи лузитанских городах». Войны с аборигенами здесь разгорались не на шутку. В 1680 году несколько объединившихся индейских племён начали масштабную резню «бледнолицых», заставив испанскую администрацию и гарнизон бежать за реку Рио-Гранде.

Этот исторический эпизод в сильно переработанном виде вошёл в роман «Бен-Гур», самый известный исторический бестселлер США в XIX веке. Книга была написана в губернаторской резиденции Санта-Фе в 1880 году. Её автор, юрист, политик и боевой генерал в годы Гражданской войны Льюис Уоллес, прибыл наводить порядок на всё ещё неспокойной окраине.

Перо генерала рождало сцены из истории Рима времён первых христиан, вплетая в ближневосточный эпос пейзажи американского Юго-Запада. Уоллес даже сказал, что долина Рио-Гранде похожа на долину Нила. Днём губернатор территории Нью-Мексико железной рукой разбирался с бандитской вольницей (он вынес смертный приговор знаменитому Билли Киду). По ночам Уоллес создавал драматическую историю иудейского аристократа как нарождавшийся вестерн — долгую борьбу добродетельного героя и беспринципного злодея. Бестселлер из Санта-Фе десятилетия не сходил с бродвейских подмостков, а экранизация «Бен-Гура» в 1959 году получила рекордные для Голливуда одиннадцать «Оскаров».

После четырёх веков взлётов и упадка столица штата Нью-Мексико стала мирным пристанищем искусств, расположенном, как писали Ильф и Петров, «в центре трёх старинных цивилизаций — индейской, испанской и мексиканской». В зачарованной земле, «тьерра енкантада», как именовали Нью-Мексико, должен был появиться собственный *genius loci*. Художественную славу здешним местам создала Дж. О'Кифф, впервые приехавшая сюда в 1929 году.

«В окрестностях города Санта-Фе Джорджия О'Кифф нашла свой магический пейзаж, — писал Александр Генис. — Местная природа, проникнув на картины, окрасила её полотна юго-западным колоритом, пропитала их индейской мистикой и проветрила космическим сквозняком. И это при том, что в штате Нью-Мексико, ставшем с лёгкой руки О'Кифф Меккой художников и поэтов, нет ничего, кроме пустыни, перемежающейся плоскими холмами. Тут их зовут по-испански: *mesa*, что означает „стол“. В сущности, это сопка, с которой сняли скальп вместе с лучшей частью черепа. Такая операция и гористый пейзаж вытягивает по горизонтали: глаз видит на сто миль. Это как любоваться Кремлём из Калуги».

Интерьер дома Джорждии О'Кифф

Центральные кварталы Санта-Фе выглядят как исторические декорации: саманные постройки местной архитектуры с плоскими крышами, ступенчатыми этажами, массивными стенами, подчёркнутыми парапетами с круглыми краями. Саман, или как здесь его называют, адобе, древнейший строительный материал, который использовали в Египте, Трое, Самарканде. В Санта-Фе, согласно местным законам, даже вновь строящиеся здания должны обязательно нести в своём облике элементы исторического стиля «пуэбло», хотя саман разрешается заменять окрашенным бетоном.

«Санта-Фе очень странный город, какая-то индейско-мексиканская Ялта, курортный и туристский город, — написал Илья Ильф жене. — Сначала сюда бежали от цивилизации писатели и художники. Теперь за ними приехали богатые люди. Повторилась судьба Монпарнаса».

Между Санта-Фе и не менее древним и мистическим поселением Фернандо-де-Таос обретали свой элизиум странники, мечтатели и философы. Здесь, в сухом горячем воздухе пустыни воскресают тени конкистадоров и первых христианских миссионеров. Алые розы оплетают полуразрушенные испанские часовни. Жёсткие контрасты яркого света и глубоких теней превращают пейзаж в метафору.

«Таос» поэтично переводится как «место красной ивы». По соседству с городком живёт одна из самых закрытых общин индейцев-пуэбло, сохранившая благодаря своему отчуждению древние традиции. «За пять минут мы проехали несколько сот лет, которые отделяли индейскую деревню от Таоса».

Деревня, о которой написали Ильф и Петров в 1935 году, ещё не обрела всемирную известность (сегодня индейское поселение — объект культурного наследия ЮНЕСКО). Туристическая слава близлежащего городка Таоса только начиналась, а за его пределами по-прежнему лежала доколумбова Америка.

> Вокруг нас стояли удивительные дома. В деревне живёт около тысячи человек, и все они расселились в трёх домах. Это громадные глиняные здания в несколько этажей, составленные из прилепленных друг к другу отдельных комнаток. Дома подымаются террасами, и каждый

> этаж имеет плоскую крышу. Этажи сообщаются между собой приставными деревянными лестницами… На крышах дома стояли несколько индейцев. Они с головами были завёрнуты в одеяла и молчаливо смотрели на нас. Смирные индейские собаки бегали вверх и вниз по приставным лестницам с ловкостью боцманов.

Художественная колония в Таосе возникла в 1898 году, когда два молодых пейзажиста Б. Филлипс и Э. Блуменстайн решили совершить путешествие в фургоне из Колорадо в Мексику с тем, чтобы писать этюды. История приключилась почти гоголевская: у них сломалось колесо и ближайшим местом, где можно было найти кузнеца, оказался крошечный Таос. Застряв здесь на три дня, они сделали свой выбор. Для первых в этих местах художников, а затем их друзей, оставивших большие города в поисках нового вдохновения, в Таосе начиналось «путешествие длиною в жизнь».

Международную известность городу доставили Дэвид Герберт Лоуренс и его супруга Фрида фон Рихтхофен. У британца Лоуренса, как и у Набокова, устойчивая литературная слава началась с моралистского скандала. И по сей день репутация «Любовника леди Четтерей» (как и «Лолиты») оттеняет все остальное обширное творчество писателя. В 1960 году в Лондоне прошёл шумный судебный процесс по поводу запрещённого «Любовника», закончившийся снятием тридцатилетнего запрета на его публикацию.

Нина Берберова писала в 1966 году:

> Когда я приехала туда, я уже не застала в живых Фриду Лоуренс, вдову Д. Г. Лоуренса, жившую в горной пустыне над Таосом, рядом с местом, где похоронен он сам (тело было перевезено в своё время с юга Франции). Теперь дом перестроен, но дали вокруг так же величественны и прекрасны: городов там не строят, заводов не ставят. В вечной тишине лежит его прах величественно и одиноко, и если в желании его жить и умереть высоко и одиноко в своё время была некоторая поза, то ведь, в сущности, не бывает позы случайной, всякая поза, как всякий

> жест, даёт ключ ко всей личности в целом… А в Таосе по улицам ходят люди — старые, знавшие его, и молодые только слышавшие о нём и читавшие его. Эти молодые ставят в местном театре пьесы Гертруды Стайн, сидят за мольбертами на углах узких улиц или перед «мезой», где живут индейцы.

Выходцы из России не затерялись среди пёстрой интернациональной богемы. Два современника, Николай Фешин и Леон Гаспар, обживали Таос на свой лад. Фешин, ученик Ильи Репина, приобрёл известность ещё до эмиграции. Он создал собственный стиль «*non-finito*», стиль покоряющей экспрессии, удивительным образом соединивший искусство скульптора и живописца. Один из учеников Фешина вспоминал, что художник «клал мазки широко, употребляя мастихин и пальцы рук, которыми вводил краску в краску, словно разминая их, как ваятель. Лепил красками и даже смачивал пальцы слюной, чтоб краска сглаживалась». В Америке Фешина приняли с восторгом, но из всех мест он лучше всего себя чувствовал в Таосе, среди своих моделей-индейцев, буйных языческих красок плодородных долин и заснеженных вершин гор.

Леон Гаспар (Лев Шульман) был художественным антиподом Фешина, уделявшим больше внимания утончённому визуальному артистизму. Гаспар учился искусству в своём родном городе Витебске, где брал уроки у Иегуды Пена, учителя Марка Шагала. Оба молодых художника затем перебрались в Париж (Гаспар это сделал ещё до революции). Интересно, что Марк Шагал и Леон Гаспар одно время были соперниками из-за девушки по имени Белла Розенфельд, которая позже стала женой Шагала. Нью-Мексико оставил на полотнах Гаспара прозрачный воздух, трепетный колорит и изящную оркестровку линий и мазков.

Самые известные произведения Фешина и Гаспара в Таосе сохранились: их дома, построенные снаружи в местном стиле адобе, а внутри — с элементами европейского модерна и русского декоративно-прикладного искусства. Когда в 1934 году Николай Фешин завершил шестилетнее строительство, супруга подала на развод, и художник, оставив всё имущество жене,

Дом художника Николая Фешина в Таосе

перебрался в Калифорнию. После смерти мастера стараниями его дочери дом в Таосе был превращён в музей, а в «Одноэтажной Америке» остался пассаж о случайной встрече с мадам Фешиной и ненужных глупых разводах.

В 1949 году Джоржия О'Кифф приобрела близ Санта-Фе «Призрачное ранчо» и сделала его своим постоянным домом. Сюда зачастили искусствоведы, богатые почитатели, телевизионщики. Работы О'Кифф оказались одним из громких открытий Америки, с таинственной аурой здешних мест, иллюзорностью пейзажей, эротикой цветов, иероглифом выбеленного солнцем бычьего черепа в центре картины… Здесь же, в окрестностях «Призрачного ранчо», она завещала развеять свой прах.

На стыке суетного и вечного, между высоким небом и пылью дорог, среди мифов древних народов и историй новоприбывших, пятое столетие всматриваются в мир «окраинные» города Санта-Фе и Таос.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аксёнов В. В поисках грустного бэби. М.: Эксмо, 2005.

Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: Новое лит. обозрение, 2010.

Бурстин Д. Американцы. В 3 тт. М.: Прогресс, 1993.

Вайль П. Гений места. М.: Независимая газета, 2001.

Галанов Б. Илья Ильф и Евгений Петров. М.: Советский писатель, 1961

Горький М. В Америке. М., Воениздат, 1949.

Есенин С. Железный Миргород // Собрание сочинений: В 2 т. М.: Советская Россия, 1991.

Ильф И. Записные книжки. М.: Текст, 2000.

Ильф И. Письма не только о любви. М.: АСТ, 2008.

Ильф И., Петров Е. Американские фотографии // Огонек. № 11–23, 1936.

Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М.: Текст, 2014.

Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в 5 т. М.: Гослитиздат, 1961.

Катаев В. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1984.

Курдюмов А. В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Press Libre, 1983.

Литературная история США. В 3 тт. М.: Прогресс, 1979.

Маяковский В. Мое открытие Америки // Полное собрание сочинений. М., 1958.

Набоков В. Собрание сочинений американского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997.

Одесский М., Фельдман Д. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: Изд-во РГГУ, 2015.

Пильняк Б. О'кей. Американский роман // Избранные произведения. Л., 1978.

Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва, 1937. М., РОССПЭН, 2011.

Яновская Л. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М., 1969.

Appel A., Jr. *The Annotated Lolita.* N.Y.: Random House, 1991.

Evans D. *The Man Who Sold Tomorrow*. Chicago: Independent Publisher Group, 2019.

Meyer P. *Find What the Sailor Has Hidden*. Middletown, CT.: Wesleyan University Press, 1988.

White E. *Nabokov: Beyond Parody//The Achievements of Vladimir Nabokov*. Ithaca, N.Y.: Cornell Center for International Studies, 1984.

Wolf E. *Ilf and Petrov's American Road Trip*. New York: Princeton Architectural Press, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Приют-на-Гудзоне 11
Фантазии Скенектеди 24
История с золотым портсигаром 33
Маленький город 43
Дева туманов 52
В Мичигане 60
О провинциальной гордости 70
О коровах и людях 79
Продукты питания 90
Томас и Гекльберри 105
Облака Канзаса 113
С чего начинается молодость 124
Город синей птицы 134
Галопом через Гэллап 143
Метафизика географии 151
Город туманов 162
«Святая роща» 172
«Под куполом цирка» 185
Протогород 198
Помни Аламо! 210
Мотельная история 218
Между сушей и водой 230
«Ангел без крыльев» 239
О двух столицах 250
Залив Бискейн 263
Незавершённая глава 271

Основная библиография 283

СЕРИЯ
«ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

Леонид Спивак, выпускник Нью-Йоркского университета, родом из Санкт-Петербурга. С 1993 года живёт в Бостоне (штат Массачусетс). Автор многочисленных статей о русско-американских культурных связях XVIII–XX столетий. Его документальные повести «Истории города Бостона», «Забытые американцы», «Полковник из Нью-Йорка», «Когда Америки не было» посвящены малоизученным страницам американской истории.

Второе издание книги Л. Спивака «Страна за горизонтом» (исправленное и дополненное) предлагает читателю открыть для себя дороги Ильи Ильфа и Евгения Петрова в знаменитой «Одноэтажной Америке», увидеть масштаб их литературного путешествия, узнать о некоторых тайнах книги, задуматься о многих сближениях и парадоксах в исторических судьбах России и США.

ISBN 978-1-960533-29-6
90000 >
9 781960 533296

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com